

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Жертвоприношение как акт сакрализации

Гурьянова Мария Вячеславовна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Самара, Россия

E-mail: gmarisabel@mail.ru

Жертвоприношение, начиная с Робертсона Смитта, чаще всего, определяют как действие, причастное или посвященное божеству. Но исследователи XX века такие, например, как Рене Жиар, Вальтер Беркерт и Жорж Батай склонны видеть в жертвоприношении чисто социальную направленность, акт вывода насилия общества, сдерживаемого законами и запретами в обычное время. Кажется, что эти два подхода находятся в противоречии друг к другу, но отношения противопоставления, носящие логический характер в западном современном мышлении, не соответствуют отношениям в бинарных оппозициях мифологического мира. Члены оппозиции священное-профанное, чистое-нечистое, дискретное-непрерывное соотносятся друг с другом скорее как означающее-означаемое, чем как противоположности, значение которых определяется через отрицание одного из членов пары. Похожее высказывал Л. Леви-Брюль, утверждая механизм до-логического мышления через термин «партиципация», выражающий как раз символический характер первобытного мышления, воспринимающий профанное реальное как означающее сакрального. Но феномен жертвоприношения заставляет предположить, что внутри пары оппозиции устанавливаются взаимообратные отношения, то есть один из ее элементов может являться как означающим, так и означаемым другого. Это вытекает из того, что жертвоприношения мы причисляем к природе сакрального, в структурном плане которого каждый из его элементов является символом. Вообще символический характер жертвоприношения представляет возможным обнаруживать его языковую природу, как и сакрального в целом. Взаимнопересекающееся описание двух основных пространств мифологического мира через свободно установленные отношения внутри знака как средства описания не позволяет выстроить отношения иерархичности между ними. Мир священного и мир профанный пролегают параллельно и взаимопределяются друг через друга: каждое знаменательное событие в жизни племени или конкретного индивида (рождение, смерть, война, свадьба) отмечается своего рода ритуалом, чаще всего включающим в себе жертвоприношение. Жизнь индивида пролегает как будто в двух пространствах, и каждое отличное событие (Иное), то есть выбивающееся из общего порядка вещей, введет к их пересечению в рамках ритуала, когда Иное пытается быть преодоленным через достижение тождества между профанным и сакральным. Оно достигается таким образом, что ситуация профанного мира символизируется в жертвоприношении и проигрывается, заканчиваясь всегда убийством, смертью, разрушением чего-либо. При этом разворачивании смерти и разрушения в области сакрального происходит утверждения жизни и порядка в профанном пространстве, отсюда можно предположить, что смерть является знаком жизни. Встает вопрос, на каком основании могут быть сближены и признаны в определенном смысле однородными разрушение (или насилие, агрессия как его импульсы) и священное. Их сближает однородность их положения в отношении профанного: несмотря на то, что

сакральное и профанное взаимоопределяются друг через друга, они отделены четкими границами от общего порядка вещей. Непосредственная включенность и насилия, и священного в обыденный порядок вещей представляется невозможным, так как порядок будет нарушен. Он поддерживается символическим прочтением профанного в ритуалах (жертвоприношение) через включения насилия, которое находится под запретом в обыденном. И именно насилие есть проявление разрушения границ между двумя этими пространствами.

Может показаться, что такая трактовка жертвоприношения вступает в некое противоречие с определением жертвоприношения как некоего диалога с божеством. Представляется, два выхода из кажущегося на первый взгляд противоречия, которое как мы видели немисливо в мифологическое время (называемый здесь мифологическим период мыслится в рамках символических форм Э. Кассирера). Во-первых, божественное есть сакральное, мыслимое дискретно, в виде конкретного бога, и таким образом этот бог или подношение ему есть эксплицитное выражение причастности сакральному; тогда как жертвоприношения, осуществляемое не в честь конкретного божества, мыслится священным имплицитно через осуществляемое насилие, сакральную символичность действия, места и действующих лиц. Maria-Zoe Petropoulou в своей работе выделяет два уровня возможного анализа феномена жертвоприношения: вертикальный и горизонтальный. Вертикальный уровень предполагает рассмотрение как раз видов отношений между божеством и индивидом, горизонтальный – отношения между участниками. Вертикальный уровень, таким образом, всегда присутствует, но возможно лишь имплицитно, о чем было сказано выше. Присутствие бога в непосредственной структуре жертвоприношения как одного из его элементов является лишь эксплицитным проявлением принадлежности действия к области сакрального, но такая причастность может быть выражена и в символичности происходящего. Таким образом, можно предположить, что посвящение божеству складывается лишь на определенном этапе культурного развития, когда мышление уже в состоянии мыслить сакральное вычлененным в конкретном божестве. Такая вычлененность в дальнейшем приведет к единой личности бога в религиях монотеизма, когда границами священного станет образ этого божества. И четкое формирование границ сакрального приведет к разграничению в бинарных оппозициях, когда священное уже не сможет мыслиться тождественным с насилием, то есть перестанет быть возможным мыслью о тождестве сакрального и иного и одновременно сакрального и профанного: функцией жертвоприношения является установление порядка вещей обыденного мира, профанный порядок однороден и при появлении элемента Иного осуществляется жертвоприношение, слияние профанного и священного. На основании их различия Иное переносится в область сакрального, и его символическое разрушение в виде убийства то или иного животного приводит к утверждению порядка профанного. Таким образом, разрушение Иного происходит в обоих пространствах именно на основании их одновременном различии и тождественности.

Структура жертвоприношения изменяется в зависимости от трансформации в восприятии сакрального. Первоначально можно изобразить структуру через схему: *Жертвователь – Жертва (соединяющая в себе тождество и различие Жертвователю) – Жертвователь*, то есть все жертвоприношение направлено на преобразование жертвователя, возвращение его в «привычное» состояние, так как оно само направлено на поддержание порядка, то совершается, когда он нарушается. По мере того, как сакраль-

ное начинает формироваться выделенным в конкретных божествах, жертвоприношение начинает мыслиться как подношение божеству через схему («даю, чтобы дал») и выражаться через схему: *Жертвователь – Жрец (тождество и различие его с Богом и одновременно с Жертвователем) – Жертва (тождество и различие Жрецу и Жертвователю) – Бог – Жертвователь*. Когда сфера сакрального начинает мыслиться четко отграниченной от профанной, начинают определяться и границы «употребления» каждого из членов оппозиций, воспринимаемые уже как противоположности, не определяемые как ранее друг через друга. Поэтому с совершившимся разделением этих двух сфер, и разнесением членов оппозиций по полюсам: священное, добро, непрерывное, чистое – профанное, зло, дискретное, нечистое, стало невозможным осуществлять трансценденцию в сферу сакральное через материальные жертвы, они были замещены духовными – молитвами. Структуру жертвоприношения, отражающую это изменение в отношении сакрального можно выразить как *Жертвователь – Бог*. Нельзя сказать, что упразднилось понятие жертвы, просто она перестала обрастать материальным субститутом и стала мыслиться через самого жертвователя, откуда и понятие самопожертвование.

Обобщая выше сказанное, можно сказать, что функцией жертвоприношения является поддержание порядка профанного через его тождество с сакральным, которое выражается в ритуале, являющимся точкой пересечения этих двух пространств. Изменение же структуры жертвоприношения сопряжено с установлением все более четких границ между сакральным и профанным и разведением остальных членов оппозиций к этим двум полюсам, которые перестают мыслиться одновременно тождественными и различными внутри оппозиции, вследствие чего становятся невозможным взаимообращение сфер священного и профанного.

Литература

1. Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М., 2006;
2. Жирар Р. Козел отпущения. СПб., 2010;
3. Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000;
4. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1980;
5. Burkert W. Homo necans: the anthropology of ancient Greek sacrificial ritual and myth. University of California Press., 1983;
6. Petropoulou M-Z. Animal Sacrifice in Ancient Greek Religion, Judaism, and Christianity, 100 bc–ad 200. Oxford., 2008.